

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ГУБЕРНСКОЕ ЗАРЕВО

Москва

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ГУБЕРНСКОЕ ЗАРЕВЪ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Губернское зарево / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Записки придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-217421-6

Судебный следователь Иван Федорович Воловцов отправляется в отпуск в Рязань, к любимой тетушке. Но вместо долгожданного отдыха он оказывается вовлеченным в трагические события. Заживо сгорела подруга тетушки безобидная старушка Марья Кокошина. Местная полиция считает это несчастным случаем. Однако Воловцову картина происшествия представляется иной. Соседи в ночь пожара видели постороннего человека, входящего в дом через черный ход. Кроме того, тело погибшей лежит слишком аккуратно. И, наконец, из комнаты старушки пропали дорогие часы и процентные бумаги на большую сумму. Все указывает на криминальный характер случившегося. Вскоре подозрения сыщика подкрепляет еще одно странное событие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-217421-6

© Сухов Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1
ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ,
ИЛИ
КАК В РОССИИ ЗАПОЛУЧИТЬ
ЗАКОННЫЙ ОТПУСК

После двух сложнейших дел — двойного убийства в Хамовническом переулке и убийства коммивояжера Стасько в Дмитрове, которые судебный следователь по наиважнейшим делам коллежский советник Иван Федорович Воловцов вел почти одновременно, его организм и нервная система изрядно истощились и затребовали отдыха.

А что ж поделаешь, железо — и то устает! Это доказал еще в 1839 году французский механик и инженер Жан-Виктор Понселе. Металлические части станков под воздействием постоянно повторяющегося напряжения выходят из строя без видимой причины, стальные тросы рвутся, как гнилые веревки, и, как карандаши, ломаются паровозные оси. Крупнейшая железнодорожная катастрофа, произошедшая

в мае 1842 года и названная в энциклопедиях Версальской, произошла именно вследствие усталости железа, из которого были выкованы паровозные оси. В результате — пятьдесят пять трупов. Чего уж говорить о человеке, состоящем из воды, мяса и костей?

А тут еще на его долю выпало первое в жизни убийство человека. Разумеется, Воловцов действовал в рамках закона, и, не выстрелил он тогда в Георгия Полянского, профессионального убийцу, в послужном списке которого было несколько отнятых человеческих жизней, «лейгер», как в уголовной среде называют таких преступников, ушел бы. И ищи потом ветра в поле! К тому же Полянский был «гульным варнаком», то бишь беглым каторжником, объявленным в розыск по всем губерниям и уездам Российской империи уже не первый год. При задержании он оказал сопротивление и ударился в бегство. А бегал он лучше Воловцова... Ну, и что прикажете тут делать? Помахать вслед его сверкающим пяткам рукой с зажатым в ней револьвером и прокричать в досаде:

— Беги, беги, гад, все равно скоро свидимся?

Или:

— В следующий раз я тебя обязательно догоню, изувер?

Конечно, не дело судебному следователю по наиважнейшим делам ходить на задержания и устраивать засады. И не дело стрелять из револьвера по бегущим мишеням в образе преступников. Не его это, судебного следователя, функция и прерогатива. Но так уж вышло. Ведь один Иван Федорович Воловцов знал убийцу Полянского в лицо. Поэтому и участвовал в задержании. И задержал...

И все же этот смертельный выстрел, настигший «лейгера», был той последней каплей, которая переполняет чашу. После чего ее содержимое выливается наружу, причем не одной этой лишней каплей, а порою и даже целой струей.

Его тело измаялось от недосыпа и постоянных, все увеличивающихся нагрузок, мозг устал от нескончаемого потока мыслей, а нервы — от постоянного напряжения. Иван Федорович Воловцов так прямо и сказал председателю Департамента уголовных дел Московской Судебной палаты и своему непосредственному начальнику Геннадию Никифоровичу Радченко:

— Все. Устал. Более не могу! Дайте отпуск.

— Хорошо, — ответил все понимающий Радченко. — Отдохни дня три. Ты их, Иван Федорович, вполне заслужил.

— Вы меня не поняли, — твердо возразил Геннадию Никифоровичу Воловцов. — Мне нужен полноценный отпуск. На месяц. А скорее, даже на два...

Председатель уголовного Департамента округлил глаза:

— А может, вы еще бессрочный отпуск попросите?

— Бессрочный? — удивленно посмотрел на него Воловцов. — Гм...

— Бессрочный, — подтвердил Геннадий Никифорович и добавил ядовито: — На годик, скажем. Ну, а что дробить-то?

— Нет, — после недолгого раздумья ответил Иван Федорович, распознав иронию начальника. — Чтобы восстановить силы, мне будет достаточно и шести недель.

— Это невозможно, — отрицательно покачал головой Радченко.

— Почему? Другие же люди ходят в отпуска? Вон, тот же судебный следователь Ширококов... Два раза уже в этом году был в отпуске, и ничего...

— Он уходил в отпуск по семейным обстоятельствам. У него тетка в Рязани была при

смерти, — парировал председатель Департамента.

— Один раз — да. А второй раз, что, тоже тетка? — с нескрываемым сарказмом спросил Воловцов.

— Нет, второй раз — не тетка, — ответил Радченко.

— А кто — дядька? — с прищуром посмотрел на него Иван Федорович.

— Второй раз судебный следователь Широкобов был в отпуске ровно по истечении года службы, — произнес Геннадий Никифорович и тотчас пожалел о своих словах, поскольку реакция Воловцова была вполне предсказуема.

— Года службы? — воскликнул он. — А я ведь не имел отпуска даже по истечении двух лет службы! И у меня есть тетка в Рязани. Она, может, тоже при смерти, поскольку не виделись мы уже лет пять. Потому мне крайне необходимо съездить к ней и удостовериться, что она не лежит на смертном одре и ее посиневшие губы не шепчут едва слышно: «Ванечка, племянник мой родненький, приезжай поскорее повидаться со своей старенькой тетушкой, а то, может статься, и не свидимся более на этом свете...» — У Воловцова, помимо его воли, вдруг повлажнели глаза (не иначе как тоже результат телесной и нервической

усталости). — А кроме нее, милостивый государь Геннадий Никифорович, у меня и родни-то никакой больше нет, — сглотнув и едва не всхлипнув, закончил столь душещипательную фразу Иван Федорович.

Посиневшие губы тетушки Воловцова и его повлажневшие глаза, очевидно, возымели положительное воздействие на Радченко. Он вздохнул и, стараясь не встречаться взглядом с судебным следователем по наиважнейшим делам, произнес:

— Ну, а я что... Собственно, ничего. Мы ж не звери какие... Мы же понимаем, что сказать последнее «прости» иногда важнее, нежели сделать возлюбленной даме предложение руки и сердца. Но, — Радченко и не смог скрыть ехидных искорок в глазах, — наш окружной прокурор не даст тебе разрешения на отпуск.

— Да? — сухо проговорил Воловцов. — Ну, это мы еще посмотрим. Я сам к нему схожу..

— Ага, Иван Федорович, — язвительно усмехнулся Радченко, — сходи...

Кабинет окружного прокурора Московской Судебной палаты, действительного статского советника Владимира Александровича Завадского был много больше кабинета Радченко. Иван Федорович всегда чувствовал себя в

нем маленьким, не больше циркового карлика, особенно когда Владимир Александрович был настроен на распеканцию. Последняя такая распеканция была устроена Воловцову не столь давно, при расследовании повторно возбужденного по указанию Сената дела о двойном убийстве в Хамовническом переулке жены и дочери известного московского гражданина Алоизия Осиповича Кара. Тогда прокурор просто метал молнии и обещал отстранить Ивана Федоровича от дела, ежели он не уложится в недельный срок. Воловцов уложился и нашел убийцу жены и старшей дочери главного пивовара Хамовнического медопивоваренного завода Алоизия Кара. После чего окружной прокурор самолично принес Ивану Федоровичу извинения, сказав, что «в последнюю нашу встречу был с вами довольно резок и, наверное, несправедлив к вам». Конфликт на этом был исчерпан. Собственно, Завадский был отличным знатоком своего дела, разбирался во всей казуистике российских законов, но вот подчиненным не доверял и предпочитал контролировать лично все дела в обоих Департаментах Судебной палаты — уголовном и гражданском. Чего, конечно, делать не успевал и оттого психовал и злился, но — невозможно объять необъятное...

Его превосходительство встретил Ивана Федоровича приветливо. Сразу предложил присесть и разговор начал сам, с похвалы по последнему делу Воловцова, связанному с серией убийств в Москве и беглым каторжником Георгием Полянским.

— Замечательно было вами все сработано, просто замечательно. — Завадский, похоже, был вполне искренен. — Связать в единый узел стародавнюю историю с убийством уездного исправника, убийства в Москве нескольких уголовников и убийство коммивояжера в Дмитрове — это стоит многого. Вы вполне заслуживаете награды, и я буду ходатайствовать о досрочном присвоении вам чина статского советника...

— Благодарю вас, ваше превосходительство, — с чувством произнес Иван Федорович.

— Не стоит благодарностей, — кивнул Завадский. — Повторю: вы это вполне заслужили... У вас все ко мне?

— Прошу прощения, ваше превосходительство, но я пришел к вам вовсе не ходатайствовать о присвоении мне чина статского советника досрочно, без обязательной выслуги четырех положенных лет. — Иван Федорович даже немного расстроился, ведь из разговора с Завадским выходило, что он пришел к окруж-

ному прокурору «выпрашивать» очередной чин. По крайней мере, его приход был воспринят окружным прокурором именно таким образом...

— А зачем тогда? — с недоумением посмотрел на него действительный статский советник.

— Я уже два года не был в отпуске и хотел бы просить вашего разрешения на то, чтобы... — начал было Иван Федорович, но Завадский не дал ему договорить:

— Так вы пришли просить отпуск?

— Именно так, ваше превосходительство, — громко и отчетливо ответил Воловцов.

— Это не ко мне, Иван Федорович. У вас есть непосредственный начальник, Геннадий Никифорович Радченко. Это в его компетенции. А он что, не дает вам отпуск?

— Он ссылается на вас, Владимир Александрович, — быстро проговорил Воловцов.

— Ну, если ваш непосредственный начальник считает, что давать вам отпуск в настоящее время не предоставляется возможным, то, — развел руками статский советник, — что я-то тут могу поделывать? Ему виднее...

— Он ничего не считает, он ссылается на вас, — попытался еще раз достучаться до прокурора судебный следователь. — Говорит, мол, как вы скажете, так и будет.

— Простите, Иван Федорович, но существует определенный порядок. Может быть, он устарел, и вы, молодые, считаете его бюрократическим пережитком, но другого порядка пока не выдумали. А порядок таков: вы подаете рапорт о предоставлении отпуска своему непосредственному начальнику, он накладывает на него резолюцию, после чего рапорт попадает на мой стол. И я, согласно имеющейся резолюции, уже принимаю решение. А без санкции Геннадия Никифоровича я решительно ничего не могу предпринять...

Это был заколдованный круг.

Поблагодарив его превосходительство за предоставленную аудиенцию, Воловцов вернулся в Департамент и отправился к своему «непосредственному начальнику». Он перехватил Радченко уже выходящим из кабинета...

— Ну, что? — ясным и чистым взглядом посмотрел на него «непосредственный начальник». — Что сказал его превосходительство господин окружной прокурор?

— Он сказал, что существует порядок, который он не вправе переступить, — начал было Иван Федорович, но Радченко вдруг заторопился:

— Прости, опаздываю на важную встречу.

Сказав это, он скорым шагом покинул свою приемную и скрылся за дверью.

— Вы куда? — только и успел крикнуть ему в спину Воловцов. Но ответа не последовало. — Куда это он? — повернулся к секретарю начальника Иван Федорович. На что тот лишь пожал плечами. — А он еще сегодня будет?

— Обещался быть...

После этих слов секретаря Иван Федорович уселся на стул и решил ждать Радченко до победного конца...

Прошел час...

Два часа...

Два часа с тремя четвертями...

«Непосредственный начальник» появился уже после трех пополудни. Он был весел, и от него пахло женскими духами и хорошим вином.

— Ну, так как мое дельце? — с лучезарной улыбкой приветствовал его Воловцов.

— Какое дельце? — не менее лучезарно улыбнулся в ответ Геннадий Никифорович.

— А вот такое... — С этими словами судебный следователь подхватил своего «непосредственного начальника» под белые ручки, препроводил в его кабинет и, зайдя следом, закрыл дверь на замок.

Секретарь поначалу прислушивался, ведь любопытно же, о чем говорят запирающие

за собой дверь люди. Но потом надобность в этом отпала: Радченко и Воловцов разговаривали на столь повышенных тонах, что не стоило напрягать слух...

— А кто будет работать? — спрашивал Радченко. — Широбоков, что ли? Или лентяй Караваяев?

— А что, заставить, что ли, вы их не можете? — решительно возражал Воловцов.

— Да какие из них работники... Затянут дело, а потом либо в архив, либо перепоручать. Тебе же, кстати...

— А зачем тогда на службе таких держите? — с удивлением спрашивал Воловцов. — Гоните их к псам! Пусть в канцеляриях бумажки перебирают...

— Это говорить только легко — «гоните»... — пробурчал Радченко. — Широбокову до двадцатилетней выслуги осталось полтора года, а у Караваяева — дядя тайный советник и сенатор. Или ты этого не знаешь? Как такого погонишь? Да он сам тебя взащей погонит к такой-то матери...

— А мне-то что с того? — наседал Воловцов. Как-то незаметно он перешел на «ты». — Думаешь, после твоих слов мне легче стало?

— Вот, то-то и оно. Тебе эти проблемы — как горох по барабану. А с меня — спросят!

— Мне что, тебя пожалеть? — негодовал Воловцов.

— Не надо меня жалеть. А вот понять меня — не мешает..

— Я-то понимаю. А вот ты понять меня не хочешь...

Потом наступило недолгое молчание. Секретарь понял, что первый акт пьесы «Спор господина Радченко с господином Воловцовым» закончился. Настало время второго акта. Заключительного. Он встал со своего места и приложил ухо к двери...

— Ладно, пиши свой рапорт, — обреченно проговорил Радченко. — Даю тебе три недели.

— Шесть, — уверенно сказал Иван Федорович.

— Три недели, и ни днем больше. Иначе совсем ничего не получишь...

— Вот.

— На! — произнес Радченко после шуршания карандашом.

— Благодарю вас, Геннадий Никифорович, — перешел на «вы» Воловцов.

— Не за что, Иван Федорович.

Секретарь отскочил от двери и с быстротой молнии занял свое место, поскольку ключ в двери кабинета председателя Департамента уголовных дел дважды повернулся. Затем она

открылась, и из кабинета вышел красный, как вареный рак, судебный следователь Воловцов. В руках он держал бумагу с рапортом о предоставлении ему трехнедельного отпуска. В верхнем углу рапорта ясно читалось:

«Не возражаю».

Радченко же сидел прямо на столе и вытирал носовым платком пот с шеи и щек. Как объясняться с Завадским по поводу своей разрешающей Воловцову отпуск резолюции, он еще не представлял. Словом, распеканция у Завадского намечалась нешуточная...

Глава 2

В РЯЗАНЬ ДЛЯ ОТДОХНОВЕНИЯ МОЗГОВ, ИЛИ ВСЕ ОБРАЗУЕТСЯ...

Что такое три недели отпуска? Это двадцать один день жизни в свое удовольствие, без забот, спешки и треволнений. Пятьсот часов, которыми можно распоряжаться полностью, по личному усмотрению. А это не мало, господа... Можно пролежать все эти пятьсот часов на диване, отдыхая телом и поплеывая в потолок, можно ежедневно ходить по грибы или на рыбалку, отдыхая душой и дыша чистым воздухом. Можно пойти в театр на премьеру или в цирк на представление известного итальянского акробата, записаться в какой-нибудь клуб, к примеру, шахматный, или начать посещать танцевальные курсы. А можно уехать куда-нибудь из Москвы, как говорят, сменить обстановку, что дает наилуч-